

**ИНТЕГРАЦИЯ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ И
ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ**

Том 1

**INTEGRATING
ARCHAEOLOGICAL
AND ETHNOGRAPHIC
RESEARCH**

Volume 1

2013

Институт археологии и этнографии СО РАН
(Россия, Новосибирск)

Иркутский государственный технический
университет (Россия, Иркутск)

Омский филиал Института археологии и
этнографии СО РАН (Россия, Омск)

Иркутский филиал Института археологии и
этнографии СО РАН (Россия, Иркутск)

Университет Абердина (Великобритания,
Абердин)

Восточно-Сибирская государственная
академия образования (Россия, Иркутск)

Иркутский государственный университет
(Россия, Иркутск)

Омский государственный университет им.
Ф.М. Достоевского (Россия, Омск)

Сибирский филиал Российского института
культурологии (Россия, Омск)

Institute of Archaeology and Ethnography of
the SB of the RAS (Russia, Novosibirsk)

Irkutsk State Technical University (Russia,
Irkutsk)

Omsk Division of Institute of Archaeology and
Ethnography of the SB of the RAS (Russia,
Omsk)

Irkutsk Division of Archaeology and
Ethnography of the SB of the RAS (Russia,
Irkutsk)

University of Aberdeen (Great Britain,
Aberdeen)

East Siberian State Academy of Education
(Russia, Irkutsk)

Irkutsk State University (Russia, Irkutsk)

Omsk State University of F.M. Dostoevsky
(Russia, Omsk)

Siberian division of Russian institute of
culturologia (Russia, Omsk)

Интеграция археологических и этнографических исследований

Том 1

Сборник научных трудов

Иркутск, Омск

Integrating archaeological and ethnographic research

Volume 1

Conference Proceedings

Irkutsk, Omsk

2013

Рекомендовано к изданию редакционно-издательским советом ИрГТУ

Интеграция археологических и этнографических исследований: сборник научных трудов: в 2 т. / гл. ред. Н.А. Томилов, отв. ред. Д. Дж. Андерсон, М.А. Корусенко, С.С. Тихонов, А.В. Харинский. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2013. – Т. 1. – 332 с.

Сборник научных трудов подготовлен на основании материалов исследователей - участников XX международного симпозиума «Интеграция археологических и этнографических исследований» (Иркутск, 26-30 мая 2013 г.). Симпозиум был посвящен 200-летию со дня рождения М.А. Кастрена и 85-летию со дня рождения Р.Г. Кузеева.

В сборнике представлены работы ученых: археологов, этнологов, антропологов, экологов и других специалистов из Азии, Европы, Северной и Центральной Америки. Статьи посвящены изучению проблем интеграции археологических и этнографических исследований по следующему кругу проблем: «Этноархеологические исследования: теория, методика, историография, источники», «Археология окружающей среды: человек, животные, окружающий ландшафт; влияние человека, животных на окружающий ландшафт, приспособление к нему», «Взаимодействие человека и животных по данным археологии и этнографии», «Сакральные территории по данным археологии и этнографии», «Мир инобытия: мировоззрение и практики древних и традиционных обществ по данным археологии, этнографии и смежных наук», «Исторические реконструкции по данным археологии и этнографии».

Книга рассчитана на специалистов в области археологии, этнологии, этноархеологии, истории, культурологии и других наук.

These conference proceedings were assembled from the original scientific papers of the participants of the 20th international symposium «Integrating archaeological and ethnographic research», which took place in Irkutsk on May 26-30, 2013. The symposium was devoted to the 200th anniversary of the birth of M.A. Kastren and to the 85th anniversary of the birth of R.G. Kuzeev.

The proceedings collect the work of: archaeologists, ethnologists, anthropologists, ecologists and other experts from Asia, Europe, North and Central America. It is devoted to studying the problems of how to integrate archaeological and ethnographic research. The following themes are addressed: “Ethnoarchaeological researchs: theory, technique, historiography, and sources”, “Environmental archaeology: (humans, animals, the surrounding landscape; the influence of people and animals on the surrounding landscape, their adaptation to it)”, “Biosociality: New conceptions of human and or animal agency as documented by archaeological and ethnographic research”, “Sacred Landscapes: Sacred territories as documented by archaeological and ethnographic research”, “Alternative Worlds and Worldviews (инобытия): The Worldview and practices of ancient and traditional societies as documented by archeologists, ethnographers and interdisciplinary researchers”, “Historical reconstruction by archeological and ethnographic research”.

The book will be of interest to experts in the field of archeology, ethnology, ethnoarchaeology, history, cultural science and other sciences.

Рецензенты: канд. ист. наук **Н.А. Савельев**, Иркутск;
канд. ист. наук **Б.А. Конилов**, Омск

Редакционная коллегия: Д. Дж. Андерсон (отв. ред.); канд. ист. наук М.А. Корусенко (отв. ред.); академик, д-р. ист. наук В.И. Молодин; канд. ист. наук А.В. Тетенькин; канд. ист. наук М.Н. Тихомирова; канд. ист. наук С.С. Тихонов (отв. ред.); д-р ист. наук Н.А. Томилов (гл. ред.); д-р ист. наук А.В. Харинский (отв. ред.); Н.С. Баранова (уч. секретарь)

*Симпозиум проходил при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований,
проект № 13-06-06-045*

ISBN 978-58038-0835-0 (т. 1)
ISBN 978-5-8038-0834-3

© Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН, 2013
© Иркутский государственный технический университет, 2013

IN MEMORIAM

ПОЧУВСТВОВАТЬ ДЫХАНИЕ ВРЕМЕНИ, ДЫХАНИЕ НАРОДОВ...¹

Рис. 1. Уфа (1988 г?), Р.Г. Кузеев – заведующий сектором народов Южного Урала Института истории, языка, литературы

- Раиль Гумерович, как вы пришли в этнологическую науку? Увлечение этнографией для вас было осознанным или случайным?

- Этнографией я, наверно, увлекся тогда, когда еще не знал этого слова. И это было связано с одним эпизодом. Когда началась война, я учился в 5 классе. 1 сентября 1941 г. в нашу школу пришли совершенно новые учителя, в основном эвакуированные из Киева ученые из АН Украинской ССР и преподаватели вузов. Литературу преподавала Богомолец Виктория Константиновна, и как-то она нам дала задание - написать сочинение «Как я провел каникулы». Я уехал в деревню Салихово (деревня моей матери) недалеко от Уфы, и там мне пришлось участвовать в настоящей охоте на зайцев. Зайца мы так и не подстрелили, но охота на меня произвела глубочайшее впечатление. Мы вернулись домой, и я взахлеб стал рассказывать о своих впечатлениях бабушке с дедушкой. А они, в свою очередь, рассказали мне про свои былые времена. И, видимо, этим я сильно проникся. Вернувшись в Уфу, я написал сочинение, в котором очень подробно описал свои впечатления о пребывании в деревне. Короче

говоря, получилось так, что мое сочинение впоследствии читали не только в нашей школе, но и других школах города как образец «творческого отношения к школьному заданию». И вот уже тогда я, наверно, ощутил некий интерес к селу, к сельскому образу жизни, быту, будем говорить, к этнографической действительности.

В 1943 г., когда я закончил 7 классов, многих выпускников, в том числе и меня, направили в ФЗУ. Это было обычным делом в военные годы. Я попал на моторостроительный завод. И, как помню, я не только не хотел, но просто боялся завода. Эта боязнь, наверно, у меня была генетической, поскольку все мои родственники - отец, мать, бабушка, дедушка - были выходцами из крестьян. В течение 2-3 месяцев я на поезде ездил на моторостроительный завод. Поезда в то время ходили медленно. Бывало, что рабочий поезд, на котором мы добирались до завода, на небольшом подъеме около полустанка «Воронки» стоял по 2-3 часа, особенно в непогоду. Я был учеником токаря. Время было тяжелое, дисциплина суровая, но я очень гордился тем, что сразу получил рабочую карточку на хлеб. Однажды совершенно случайно на одной из улиц я встретился с Викторией Константиновной, которой я рассказал о своей работе на заводе. И она, без моей

просьбы, поехала на завод, встретила с заводским начальством и сказала: «Этот мальчик очень способный. Вы его тут не держите, пусть он учится дальше». Благодаря ей мне вернули документы, но в школу обратно не взяли. Видимо, считая меня почти мобилизованным, опасались создать нежелательный прецедент. Тогда я поступил в геолого-разведочный техникум, с головой окунулся в математику, начертательную геометрию, геологию... После окончания техникума я вовсе не помышлял о гуманитарном образовании и поступил в Ленинградский институт инженеров железнодорожного транспорта на факультет мостов и тоннелей. Время было тяжелое - послевоенная разруха голод и мы, естественно, жили очень трудно. Там я заболел крупозным воспалением легких и был вынужден вернуться в Уфу.

А вот дальше судьба распорядилась очень интересно. Я еще болел, когда ко мне пришли мои братья. Двое из них, вернувшись с фронта, учились на историческом факультете Педагогического института им. К.А. Тимирязева. Обеспокоенные моей дальнейшей судьбой, они предложили мне вместе с ними учиться в Педагогическом институте. Вскоре я поправился, выписался из больницы, сдал экзамены и поступил на исторический факультет. Мне пришлось держать экзамены за первый семестр по полной программе. К своему удивлению, я единственный на курсе, все экзамены сдал на одни пятерки. Это меня окрылило, я охладил к математике и стал историком.

Лекции у нас читали блестящие преподаватели, в основном из числа эвакуированных в Уфу профессоров, например, Ласунский, Пезов, Семенова, Миклашевская... Это была плеяда блестящих ученых и высокообразованных людей. Из местных историю нам читал А.Н. Усманов. Он был также очень высокообразованным человеком и блестящим ученым. У него на нашем курсе был спецкурс по истории Башкирии.

После окончания вуза я стал младшим научным сотрудником в Институте истории, языка и литературы. Тогда еще институт был при Совете Министров Башкирской АССР. Там я познакомился с Петром Федоровичем Ищериковым. Это была яркая фигура. Именно он как-то мне сказал: «Раиль Гумерович, вы же прирожденный этнограф». И тут я снова вспомнил свое школьное сочинение, Викторину Константиновну и всю эту историю. Осенью 1951 г. я решил поступить в аспирантуру Института этнографии АН СССР имени Н.Н. Миклухо-Маклая. Кстати, я был первым целевым аспирантом Башкирского филиала Академии наук и по поручению тогдашнего директора ИИЯЛ М.Я. Янгирова сформировал первую команду аспирантов, поскольку нам тогда дали четыре вакансии. В эту команду вошли нынешний академик АН РБ Г.Б. Хусаинов, бывший проректор БГУ М.Ф. Гайнуллин, впоследствии известный археолог, ныне покойная М.Х. Садыкова и я. Вступительные экзамены у меня принимал Михаил Григорьевич Левин, тогда знаменитый и очень известный антрополог. Экзамены я выдержал успешно и стал аспирантом Института этнографии, а потом всю свою жизнь занимался только этой наукой.

- Какое место, на ваш взгляд, должна занимать полевая этнография сегодня? Согласитесь, в разное время в нашей науке экспедициям придавали неодинаковое значение.

- Ну, во-первых, давайте разберемся в понятиях «этнология» и «этнография». В нашей стране эта наука все время называлась этнографией и лишь в последнее десятилетие, с появлением новой проблематики, по примеру западных стран, мы свою науку в одночасье переименовали в этнологию. Но во многих странах эти понятия существуют параллельно. Этнология - это исследовательская часть науки, а этнография - это полевая работа, сбор материалов. Я считаю, что сама наука первоначально родилась из сбора материалов, т.е. из экспедиций. Вспомним, например,

Великие географические открытия. В мировом аспекте это - колоссальные знания, новые источники в процессе человеческого познания.

Не составляет исключение и Россия. Яркий тому пример - знаменитые академические экспедиции 1733-1743 и 1768-1774 гг. с участием таких известных исследователей, как Г.Ф. Миллер, П.С. Паллас, И.И. Лепехин, И.Г. Георги, И.Г. Готлиб, П.С. и Н.П. Рычковы и др. Если взять более поздний период, это ссыльные исследователи, такие как Л.Я. Штернберг, В.Л. Серошевский, В.Г. Богораз и др. Таким образом, полевая работа, экспедиции были в основе познания народов России всегда. А вот когда материал был накоплен и исследователи перешли к его обобщению, вероятно, акценты несколько поменялись и на первое место стали выходить теоретические, обобщающие проблемы. Но опять-таки это не было прямым развитием, потому что этнография всегда развивалась «волнообразно», в том смысле, что повышение активности экспедиционных работ сменялось повышением активности работ теоретического плана. Возьмем, к примеру, историю развития российской этнографии. И мы с вами увидим, что XVIII и XIX вв. сопряжены с очень активной экспедиционной работой. В нашем регионе - это исследования В.М. Черемшанского, С.И. Руденко, П.И. Небольсина и др. А с начала XX в. появляются обобщающие работы, которые тянутся вплоть до 20-30-х годов. Наиболее крупными, применительно к башкирам, являются работы тех же С.И. Руденко, Н. Попова, В.М. Флоринского, в том числе местных исследователей - Б.Г. Юлуева, М. Уметбаева и др.

Экспедиционный бум в России восстановился в послереволюционное время, когда при Академии наук была образована так называемая Комиссия по изучению племенного состава России. В составе экспедиций, учрежденных этой комиссией, работали такие выдающиеся этнографы, как С.И. Руденко, С.А. Бежкович, В.Н. Белицер, Л. Берхгольц и др. Кстати, В.Н. Белицер мне передала несколько шежере башкир, которые потом я включил в свою книгу. И сегодня было бы крайне важно побольше узнать об этих экспедициях.

Начиная с конца 20 - начала 30-х гг. этнография попадает в число наук, которые с точки зрения большевистской идеологии не были актуальными. И такое преследование этнографии продолжалось очень долго. В 1934 г. Институт этнографии в Москве практически был закрыт. После этого он частично переехал в Ленинград. Примерно к этому же времени в Москве были выполнены колоссальные работы по созданию Музея народов СССР, однако в конечном итоге он так и не был открыт. И таких примеров можно привести бесконечное множество. Естественно, отдельного разговора заслуживает тема репрессий против российских этнографов. По этой теме в последнее время очень плодотворно трудится А.М. Решетов из Санкт-Петербурга.

Когда я впервые оказался в Москве в Институте этнографии, этот институт имел сравнительно небольшую историю. Из Ленинграда обратно в Москву институт был переведен в 1944 г. Тогда в его стенах работала замечательная плеяда ученых, которые чудом уцелели во время сталинских репрессий: С.П. Толстов, Н.Н. Чебоксаров, М.Г. Левин, М.О. Косвен, С.А. Токарев, И.И. Потехин, Л.Н. Терентьева, Т.А. Жданко, П.И. Кушнер, Б.К. Терлецкий и многие - многие другие. Еще в те годы на страницах периодической печати то и дело публиковались статьи с ужасными и откровенно издевательскими насмешками над этнографической наукой. Помнится, в газете «Правда» в начале 50-х годов была напечатана печально известная статья «Лапотная наука». Идеологическое давление приводит к тому, что этнография постепенно переходит на изучение современности. В те годы чрезвычайно модным стало изучение культуры и быта колхозного крестьянства и рабочего класса. Кстати, первым, кто создал программу по изучению культуры и быта колхозного

крестьянства, был известный ученый и этнограф Н.И. Воробьев. Такую же программу по изучению культуры и быта рабочего класса создала В.Ю. Крупянская. И это продолжалось довольно долго. Мне самому пришлось участвовать в подобной экспедиции, когда мы изучали культуру и быт населения села Дархан Пржевальского района в Киргизии. Вследствие такого смещения акцентов в проблематике этнографической науки существенным образом изменились направления экспедиционных исследований. Конечно, некоторые традиционные элементы сохранились, но экспедиции приобрели совершенно отчетливые идеологические направления, постоянно необходимо было подчеркивать расцвет наций и их культур.

А затем, начиная с 60-х гг., наступает некоторая оттепель, и Россия постепенно открывается для всего мира. В отечественной этнографии это проявляется в том, что, из западной этнологии в нее хлынула лавина всяких новых терминов. И эти понятия наша этнография вынуждена была освоить, в особенности понятия в области культурной и этнической терминологии. Этот процесс еще более активизировался с приходом в Институт этнографии нового директора - Ю.В. Бромлея, который усиленно стал изучать западную терминологию и попытался переломить ее к условиям России и отечественной этнографии. В итоге вышли его классические монографии: «Этнос и этнография», «Очерки теории этноса» и др. Все это направило нашу этнографию в русло некоторой интеграции и сближения со стандартами западной этнологии. В конечном итоге это же обстоятельство, на мой взгляд, ослабило позиции полевой этнографии и значение экспедиций в целом. Многие этнографы практически перешли на этносоциологические исследования, т.е. все обратилось к современным процессам: этническим, социальным, культурным, языковым и т.д. Получилось так, что буквально все преломлялось с точки зрения современности. И в общем экспедиции практически стали не нужны. Хотя на местах экспедиционные исследования еще продолжались. У нас в Башкирии взлет таких исследований относится к концу 50-х - началу 60-х гг. Потом они вновь пошли на убыль.

В наше время складывается очень интересная ситуация. Нынешнее состояние этнологии настоятельно требует изучения универсальных проблем. К таковой я отношу проблему соотношения этноса, общества и человека.

Во-первых, необходимо решить, что является главной предметной областью этнографии. Этнос? Само название нашей науки - «этнография», «этнология», на мой взгляд, продолжает действовать на сознание наших ученых. Сам Ю.В. Бромлей считал, что этнос и есть главный объект исследования. А вслед за ним некоторые ученые стали считать, что этнос является не только главным объектом, но и главным субъектом истории. Но ведь за рубежом этнологию называют социальной этнологией или социальной антропологией. Тогда главным субъектом истории являются общество или отдельный человек. Другим названием этнологии является культурная антропология. Когда считают главным субъектом этнографии только этнос, мне представляется, что вопрос поставлен некорректно. Потому что этнос - это только термин и больше ничего. И я думаю, что этнос сам по себе не является главным субъектом истории. Сегодня, когда права человека являются доминирующим элементом международной политики, главным объектом этнографии должен стать человек и те институты, которые он создает. Наша страна пока находится на промежуточном этапе. Мы только приближаемся к пониманию этих терминов и этой ситуации. Есть масса ученых, которые в современных народах видят только этническое содержание. Мы же утверждаем иное понимание - гражданское общество при сохранении этничности. В моем понимании, сейчас мы вступаем в период, когда наша наука должна уделять больше внимания социальным и культурным

аспектам развития этноса. Это значит, что мы вновь стоим перед необходимостью активизировать экспедиционные исследования. Согласитесь, ведь это бесконечный процесс. Например, то, что мы изучали в 30-50-х гг., сегодня представляет совершенно другую реальность. Вообще, Евразия в этнографическом отношении до конца еще не изучена. Например, до сих пор белыми пятнами в нашей науке остаются проблемы ментальности, детской этнографии, народной медицины и т.д. Следовательно, экспедиционные исследования сегодня нужно не только восстановить, но и думать об их обновленных формах.

- Раиль Гумерович, кто были ваши учителя, кто оказал наибольшее влияние на вас, как на ученого?

- Я очень горжусь тем, что как этнограф я сформировался, если можно выразиться, в «густом соусе» наших великих этнологов. Я их уже называл. Это - С.П. Толстов, С.А. Токарев, М.Г. Левин, М.О. Косвен, И.И. Потехин, Л.Н. Терентьева, Т.А. Жданко, П.И. Кушнер и др.

Как на ученого, большое влияние на меня оказал мой научный руководитель Н.Н. Чебоксаров. Это был крупный ученый – и антрополог, и этнограф, и географ. Чрезвычайно широка была география его научных интересов, потому что он одинаково успешно занимался Китаем, Поволжьем, народами Севера.

А в экспедициях моим учителем был С.М. Абрамзон. Я считаю, что мне очень повезло: в 1952 г. меня включили в состав Тянь-Шанской экспедиции и в течение 3,5 месяцев я собирал полевые материалы среди киргизов и дунган.

- Не могли бы Вы рассказать об этой экспедиции подробнее?

- Да, конечно. Начальником этой экспедиции был А.Н. Бернштам, а С.М. Абрамзон возглавлял этнографический отряд экспедиции. С.М. Абрамзон, безусловно, очень сильно на меня повлиял. Это был блестящий полевик, написал ряд фундаментальных работ по этнографии, в том числе фундаментальную монографию «Киргизы». Кроме того, он был специалистом по киргизской родоплеменной номенклатуре, хорошо знал этнографию народов Центральной и Средней Азии, генеалогию, исторические предания, в общем, все то, что сейчас называется этногонией. Именно он терпеливо учил меня собирать материалы по социальной организации кочевнических культур и родоплеменным структурам. С.М. Абрамзон был педант, он учил меня аккуратно все записывать и непременно карандашом, чтобы в случае чего записи не пострадали от дождя и влаги. Потом он строго требовал, чтобы в полевой сумке были карты, миллиметровки, набор карандашей, линейка, компас, запас фотопленок и т.д.

В составе экспедиции работали и другие опытные полевики, например Е.И. Маслова. Под ее руководством я занимался материальной культурой. Е.И. Маслова учила меня снимать планы жилища, усадьбы, поселения. Чертежи, которые я составлял, до сих пор у меня перед глазами. Помнится, что один только план усадьбы я снимал два, а то и три дня, при этом записывая все термины и названия на киргизском языке. Переводчик мне не требовался, потому что я довольно сносно понимал этот язык. Бывало, что у хороших информаторов я сидел целыми днями. Безусловно, все эти работы требовали огромного терпения. Некоторыми моими материалами С.М. Абрамзон воспользовался, так как в книге есть ссылка на мои полевые источники.

Другим асом полевой работы, была работавшая вместе с нами Г.П. Васильева - автор десятков работ и книг. Она была прекрасным собирателем, и я помогал ей как переводчик. В целом экспедиция поработала достаточно успешно. Результатом полевых исследований в итоге стала монография «Быт и культура села Дархан Пржевальского района Киргизии».

- А с какого года вы начали свои собственные полевые исследования?

- С 1951 года. А после защиты кандидатской диссертации, в 1958-1960-е гг. я организовал две большие экспедиции, в которых принимали участие С.А. Авижанская и Т.А. Крюкова - видные этнографы и специалисты по материальной культуре и декоративно-прикладному искусству народов Урало-Поволжья. В первый раз мы с ними путешествовали по северо-востоку, по долине реки Ай. Кроме научных результатов мы там собрали сотни превосходных экспонатов по народному искусству, которые потом попали в фонды Государственного музея этнографии народов СССР в Ленинграде (ныне Российский Этнографический музей). Во вторую поездку мы обследовали бакирские селения по реке Дема.

- Это после этих экспедиций вышла ставшая почти классической книга «Декоративно-прикладное искусство бакир», которую вы написали в соавторстве с С.А. Авижанской и Н.В. Бикбулатовым?

- Нет. Тогда эта идея только зародилась. Основной материал для книги мы собрали в экспедиции 1958-1959 гг. В 1958 г. экспедиционными исследованиями были охвачены юг и юго-восток, включая горную область Башкирии, а в 1959 г. - север и северо-восток Башкортостана, в том числе бакирские селения в Челябинской и Курганской областях. И вообще, проспект будущей книги был написан прямо на поле. А основные контуры книги были разработаны на базе обстоятельных научных отчетов, которые нами всеми были подготовлены. В 1960-1961 гг. мы поработали над иллюстрациями. Книга была издана в 1964 г. Кроме нее на основе собранных материалов вышли десятки содержательных очерков и статей. Все они опубликованы в серии «Археология и этнография Башкирии».

- Кто еще участвовал в этих экспедициях?

- В 1958 г. в состав экспедиции входили Т.М. Гарипов, С.Ф. Миржанова, М.В. Сурина, Н.В. Бикбулатов, С.Н. Шитова и др. В течение полутора месяцев нам удалось собрать внушительный по объему материал. Например, фотоархив, который ныне находится в ИИЯЛ, создан в основном за счет материалов именно экспедиций 1958-1959 гг. А потом, когда в 1959 г. я стал заместителем председателя Президиума БФАН СССР, такие экспедиции постепенно пошли на убыль. Тем не менее, несмотря на большую загруженность, я в эти годы изредка, но выезжал в экспедиции и старался это дело не забрасывать.

- Кроме больших экспедиций вы вдоль и поперек исходили территорию нашей республики, побывали во всех уголках, где проживают бакиры. Какую роль сыграли ваши индивидуальные экспедиции в формировании или уточнении научных гипотез, связанных с вашей научной проблематикой?

- Иногда индивидуальные экспедиционные выезды (без машины, вне большого отряда и т.д.) для исследователя даже благо. Потому что для ученого открывается широкий простор для неторопливого и обстоятельного наблюдения и обобщений. С другой стороны, когда ты один, тебе никто особо не мешает. Вообще, я с большим удовольствием повторил бы маршруты своих первых экспедиций. Это - моя давняя мечта.

- Раиль Гумерович, полевую этнографию принято считать «альфой и омегой» формирования профессионального этнографа. Что бы Вы могли сказать о перспективах полевой этнографии?

- На этот вопрос я хочу ответить в контексте нашего будущего развития. После распада СССР и мучительных лет поисков путей дальнейшего развития мы снова и снова осмысливаем вопросы: «кто мы такие, как нам жить дальше, почему у России сложилась такая, а не другая судьба? и т.д. Я считаю, что мы должны осмысливать эти вопросы с точки зрения Евразийской истории. Я не большой

поклонник Грубецкого и Савицкого, но глубоко убежден в том, что Евразия в этнологическом плане - это некое единство. И я снова возвращаюсь к тому, что в Евразии этнографические исследования на поле должны быть. Они в прошлом носили, как правило, локальный характер. Кто-то изучал палеоазиатские народы Сибири и Дальнего Востока, кто-то - адыгейцев, кто-то - башкир и татар. Сейчас, на мой взгляд, нужны экспедиции, которые делают акцент на изучении многоэтнических сообществ. Башкирия в этом плане очень плодотворный регион. Такова, впрочем, и вся Евразия. Возьмем, к примеру, место и значение племенных групп меря, мурома и мещера в русском этносе. Это ведь явно уральские корни! Так вот, Евразия стала единой, остается единой и будет единой. Только политические формы самоорганизации могут быть разными: федерация, конфедерация, союз и т.д. Только не надо растаскивать вот это единство по отдельным национальным квартирам. Ведь для того, чтобы излечить опухоль, не надо уничтожать целый организм, надо излечить эту болезнь, вот и все. Поэтому я с очень большим опасением отношусь к призывам строить свое будущее вне России. Какое там благо, какое светлое будущее может быть? Сразу же начнутся конфликты: этнические, конфессиональные, социальные, групповые, элитарные, и т.д. Поэтому полевую этнографию надо восстановить. Причем не только собирать материал, но стараться почувствовать дыхание времени, дыхание народов. И, конечно же, надо дать новую жизнь всем лучшим традициям российской полевой этнографии...

Примечания

1. Публикуемый материал – часть интервью, которое дал Р.Г. Кузеев в 1999 г., накануне своего 70-летия, сотруднику Института этнологических исследований Уфимского научного центра РАН (раннее - Центр этнологических исследований Уфимского научного центра РАН) И.Г. Петрову.

Полный текст беседы был опубликован в журнале Вестник Академии наук Республики Башкортостан (1999. - Т. 4. - № 3) и в сборнике «Этносы и культуры на стыке Азии и Европы» (Уфа, 2000).

заимствоваться для военно-оборонительных, а не для хозяйственных нужд (Там же: 99). Манси (вогулы) могли столкнуться с таежно-ненецким оленеводством еще на стадии существования отгонного оленеводства, поскольку есть данные о присутствии в это время самодийцев на Среднем Урале. Манси продвигались на север, уже заимствовав этот вид занятий (Там же: 96).

По мнению В.А. Козьмина, до XVIII в. олень как средство передвижения вряд ли был широко известен обским уграм, хотя существуют летописные (конец XVII в.) упоминания езды на оленях у вогулов Тагила, Туры и Тобола (1980: 167-171). Относительно же оленеводства северных манси В.А. Козьмин предполагает, что они заимствовали его непосредственно от ляпинских ненцев, которые в XVII-XVIII вв. кочевали в пределах Ляпинской волости (1986: 52-53; 2003: 71-72). Вместе с оленеводством как занятием манси заимствовали и комплекс сопутствующих ему предметов: детали одежды, жилище, транспорт, а также пищу.

По мнению большинства исследователей, северные манси являются достаточно поздним образованием. Но существует предположение, что процесс расселения зауральских манси в верхнем и среднем течении Северной Сосьвы начался еще в XI-XIII вв. Он проходил в несколько этапов и был особенно активным в XVII-XVIII вв. из-за вытеснения манси из лесной зоны Зауралья в связи с освоением его русскими (см. например: Пика, 1982: 10).

В этот же период происходят изменения в хозяйственном комплексе. Развивается пушной промысел, требующий подвижности населения, что привело и к дальнейшему развитию оленеводства, именно в транспортных целях. Завершение формирования отгонного горно-таежного оленеводства относят к XIX в. (Головнев, 1993: 96-97).

Несмотря на благоприятные для развития оленеводства условия горных тундр, манси не перешли полностью к кочевому образу жизни. Этому препятствовали стойкие традиции дооленеvodческой культуры и, возможно, проблема с угодьями. На оленьи стада манси нападали коми и русские и угоняли оленей (Источники..., 1987: 18). Большие оленьи стада коми вытаптывали ягельники на мансийских пастбищах.

К XIX в. вогулы-оленеводы на Северном Урале сосредоточились в верховьях р. Лозьвы. На западных склонах Урала осталась лишь небольшая группа (3 семьи). За переселившимися на Лозьву чердынскими вогулами особой грамотой Екатерины II была закреплена занятая ими территория (Малиев, 1872: 13). Первоначально же здесь обитали выходцы с верховьев Северной Сосьвы, вернувшиеся на свою исконную территорию в конце XVIII в. В это время граница между чердынскими и кочующими в ведомстве г. Березова югринскими вогулами проходила по верховьям Лозьвы и правым притокам Пельма (Любарских, 1792: 59). Таким образом, в верховьях Лозьвы и Пельма постоянно шло смешение двух групп угорского населения: переселенцев с верховьев Вишеры и с верховьев Северной Сосьвы.

Обозначенный район оставался той территорией, где и в последующие века проживали манси, хозяйство которых включало в себя оленеводство, хотя постоянно кочевали лишь отдельные семьи.

В середине 1930-х гг. в границах Ивдельского района из 23 хозяйств манси только два были безоленными. На остальных приходилось 974 оленя (всего по району – 1854) (Федорова, 2002: 117).

В середине 1980-х гг. в Свердловской области манси, ведущих традиционный образ жизни, проживало 92 чел. в 32 хозяйствах (Там же: 115). По словам информантов, у верхнедозьвинских манси в это время насчитывалось около 1500 личных оленей. Каждая семья имела свои постоянные пастбища. Зимой олени паслись около жилища. В апреле владельцы индивидуальных стад подгоняли своих животных для летнего выпаса в объединенном стаде. Забой оленей приурочен к Ильину дню. Он сопровождался

праздником, во время которого совершалось жертвоприношение, испрашивалась удача в оленеводстве, благополучие для семьи (Там же: 118).

Профессия оленевода-пастуха у манси Северного Урала в этот период котировалась достаточно высоко. Сквозь ее призму оценивались и другие качества. По словам одного из информантов, тот, кто работал оленеводом в течение 6-7 лет, может быть настоящим охотником. Таким образом, оленеводство и в этом случае не смогло вытеснить охоту. В свободное время пастухи занимались еще и рыболовством. Для того, чтобы они смогли все это осуществить, практиковали сменяемость пастухов. Если позволял состав семьи, замена проводилась ежегодно (Там же: 118-119).

По имеющимся сведениям, в настоящее время оленеводства в верховьях Лозьвы и Пелыма уже не существует.

Как показывают источники, у других территориальных групп северных манси на протяжении всего времени существования оленеводства картина имела определенные отличия.

По данным на 40-е гг. XIX в., домашние олени были известны по всей Северной Сосьве и Ляпину (Головнев, 1993: 100). А.А. Дунин-Горкавич, проанализировав собранные им данные по оленеводству, пришел к выводу, что оно у вогулов и остяков «не блестяще и с трудом удовлетворяет передвижениям населения», число оленей на хозяйство в среднем не более 23, число безоленных хозяйств местами достигало 40 % (1996: 108-109). Кроме того, он указывал на то, что статистические данные по оленеводству XIX в. не соответствуют действительности (Там же: 109). Нужно сказать, что такая ситуация имела место, видимо, и позднее. Так, по сообщениям информантов, во второй половине XX в. число оленей, находящихся в личном пользовании, учитывалось «со слов».

В XX в. в результате коллективизации на территории, занимаемой сосьвинско-ляпинскими манси, были созданы колхозы и совхозы. Но оленеводство в 1930-е гг. было ведущим лишь в сельскохозяйственной артели им. К. Маркса (д. Щекурья) и колхозе им. Сталина (с. Саранпауль). В этих населенных пунктах проживали коми, манси, ненцы. Значительная часть поголовья оленей была обобществлена. В однонациональных селениях, где проживали только манси, олени в основном использовались как транспортное средство, большая их часть находилась в личном пользовании хозяев (подробнее см.: Пивнева, 1995: 87-98).

В результате социально-экономических реформ, проведенных в последующие годы, оленеводство на территории сосьвинских и ляпинских манси оказалось сосредоточенным в совхозе «Саранпаульский» (верховья Ляпина) и Няксимвольском промыслово-охотничьем отделении.

В середине 1970-х гг. в стадах совхоза насчитывалось около 20 000 оленей. В государственных стадах паслись и олени, находившиеся в личном пользовании. У манси их насчитывалось 2-10 голов, у некоторых – 20-40. Из общего числа занятых в оленеводстве (111 чел.) манси составляли 25 %. Одна бригада полностью состояла из манси. В Няксимволе в это время пастухами работали только коми. Несмотря на все преобразования советского периода, оленеводство продолжало сохранять многие традиционные черты (подробнее см.: Федорова, 1986: 140, 155).

К началу 2000-х гг. ситуация с оленеводством ухудшилась. Его продукция почти не пользовалась спросом. Совхоз «Саранпаульский» был преобразован в унитарное оленеводческое предприятие. Поголовье оленей сократилось до 14 000. Было ликвидировано несколько бригад, в том числе и мансийская – как самая затратная. По оценке информантов, манси нет смысла заниматься оленеводством, они больше тяготеют к охоте и рыболовству. Еще одно объяснение: оленеводы-пастухи не могут

создать семьи, поскольку женщины уже не хотят работать в чуме. Там слишком тяжелые условия.

Таким образом, мансийское оленеводство как занятие в исторических масштабах просуществовало не так уж и долго. Причины его угасания, как представляется, кроются не только в реформах советского и постсоветского периодов, разрушивших традиционный жизненный уклад. Олень утратил свою основную функцию – транспортного животного. Сейчас акцент приходится на его символическое значение. Оленеводческая культура требовала большего сохранения традиционных черт, они к рубежу XX – XXI веков оказались более заметны и стали отражать культуру северных манси. Во время крупных праздников ставят чумы, в качестве праздничной сохраняется традиционная зимняя одежда из оленьего меха, с богатым орнаментом. Сам орнамент украшает многие официальные здания. Большим событием является и праздник «День оленевода» (с. Саранпауль) с соревнованиями по национальным видам спорта. Олень остается жертвенным животным, в первую очередь, богу-покровителю оленеводов Нёр-ойке. Возможно, поэтому в стадах оленеводческого предприятия выпасаются частные олени, хотя их у манси сегодня совсем немного.

Примечания

¹ Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре», проект «Этнические традиции как ресурс современного социокультурного развития коренных народов Севера».

Список источников и литературы

Головнев А.В. Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири. – Новосибирск: Издательство Новосибирского университета, 1993. – 204 с.

Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север. – М.: Изд-во «Либерия», 1996. – Т.3. – 208 с.

Источники по этнографии Западной Сибири. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1987. – 284 с.

Козьмин В.А. К вопросу о времени появления оленеводства у обских угров // Этнография Северной Азии. – Новосибирск: Наука, 1980. – С. 163-171.

Козьмин В.А. Оленеводческая культура народов Западной Сибири. – СПб: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2003. – 236 с.

Козьмин В.А. Традиции в развитии современного оленеводства таежной зоны Западной Сибири // Культурные традиции народов Сибири. – Л.: Изд-во «Наука», Ленингр. отд., 1986. – С. 42-57.

Любарских П. Краткое известие о Пермских Чердынских вогуличах // Российский магазин. – СПб, 1792. – Ч.1. – С. 58-88.

Малиев Н. Отчет о вогульской экспедиции // Тр. Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете. – Казань, 1872. – Т. III. - № 2. – 27 с.

Пивнева Е.А. Из истории колхозного строительства в Березовском районе Тюменской области // Народы Сибири. – М.: Координационно-методический центр прикладной этнографии Ин-та этнологии и антропологии РАН, 1995. – С. 82-109. - (Сибирский этнографический сборник. 7; кн. 2).

Пика А.И. Сосьвинские манси как этносоциальная общность (XVII – XX вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1982. – 21 с.

Федорова Е.Г. Манси-олeneводы Урала // Языки и культура народов ханты и манси: матер. Международной конф., посвящ. 10-летию НИИ обско-угорских народов.

– Томск: Изд-во Томского ун-та, 2002. - Ч.1: Этнология, социология, экономика. – С. 113-119.

Федорова Е.Г. Элементы традиционного в современных хозяйственных занятиях северных манси // Культурные традиции народов Сибири. – Л.: Изд-во «Наука», Ленингр. отд., 1986. – С. 139-156.

Bruce C. Forbes

Finland, Rovaniemi, University of Lapland, Arctic Centre

**RESILIENCE IN SOCIAL-ECOLOGICAL SYSTEMS OF NORTHWEST EURASIA
(RISES)**

Аннотация

RISES проект рассчитан на 4 года и координируется Арктическим центром (Финляндия). В ходе данного проекта мы пытаемся понять особенность устойчивости социально-экологических систем северо-западной Евразии на протяжении разных периодов резкого изменения климата: в позднем голоцене (например, средневековый теплый период, малый ледниковый период) и изменений в конце 20-го века.

RISES is a four-year project funded by the Academy of Finland 2012-2016 and coordinated by the Arctic Centre, University of Lapland. It involves scientists from Finland, Russia, Sweden and Denmark. In Northern Fennoscandia and Northwest Siberia, temperatures have increased 2°C over the past 30 years. RISES aims to understand how resilient the social-ecological systems (SESs) of northwest Eurasia have been throughout periods of dramatic climate change of the late Holocene e.g. the Medieval Warm Period, Little Ice Age and late 20th century. Robust answers to such a complex question require: (i) an interdisciplinary approach to research framing, execution and dissemination; (ii) time scales ranging from decades to centuries; and (iii) state-of-the-art methods for field/lab sampling and analyses. Our general objective is to analyze the long-term resilience of integrated SESs that have been characterized by both climate change and the agency and constant adaptation of, respectively, the Yamal Nenets and the Sámi and their huge reindeer herds. The absence of fenced reindeer pastures in Yamal affords a rare opportunity to test key assumptions concerning long-term resilience in comparison with northern Fennoscandia. Intensive participant observation and interviews for developing oral histories will take place at all times of year. Standardized experiments in both regions will address contemporary flora/fauna/soils in a quantitative manner to mesh with the more qualitative and descriptive palaeoecological and oral history narratives. Multiple palaeoecological lines of evidence will be investigated via: (i) fossil/subfossil pollen and coprophilous fungus data from high-resolution peat cores; (ii) ancient DNA extracted from plant fragments in frozen soils at campsites for which the period of occupation is known; and (iii) fossil/subfossil wood/charcoal/insect fauna from indigenous campsites/environs. Fieldwork on Yamal Peninsula and northern Fennoscandia will begin in 2013.

A. Oehler

Great Britain, Scotland, University of Aberdeen

**FROM SINGLE TO MULTI-SPECIES: ETHNOGRAPHIC AND
ARCHAEOLOGICAL REPRESENTATIONS OF THE SAIANS**

Abstract

Archaeological and ethnographic literature on human animal relations in southern Siberia is marked by an emphasis on the origin of reindeer domestication and the development of the Saian style of husbandry. Explorers of the early 20th century, such as Alexander Carruthers (1914) and Ørjan Olsen (1915 a; 1915 b), were among the first to draw attention to southern Siberia as a place of origins. This way of representation perhaps finds its hiatus in the work of Soviet archaeologist and ethnographer Sevia Vainshtein (1972). Although the focus of the debate on the origins of reindeer domestication has since shifted to genetics (e.g. Kol and Lazebny 2006), the ethnography of southern Siberia remains influential in non-indigenous representations of the lives of indigenous peoples residing within the Saian region. In this paper I attempt to outline three connected themes from the ethnographic literature of the Saian region: place as 'original homeland', the representation of multispecies, and cosmology in the context of human-animal relations. My aim is to call for a critical study of regional cosmology over the past 200 years, especially as regards human animal relations, and to move toward a more inclusive focus on multispecies in contemporary ethnography of the region. I conclude with a note on regional representations and the importance of multivocality in south Siberian ethnography.

СОДЕРЖАНИЕ

IN MEMORIAM

ПОЧУВСТВОВАТЬ ДЫХАНИЕ ВРЕМЕНИ, ДЫХАНИЕ НАРОДОВ.....	3
РАИЛЬ ГУМЕРОВИЧ КУЗЕЕВ: ВОСПОМИНАНИЯ О ВОСПОМИНАНИЯХ.....	10
И.Г. Петров	
РАИЛЬ ГУМЕРОВИЧ КУЗЕЕВ И СТАНОВЛЕНИЕ ЭТНОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ В БАШКОРТОСТАНЕ	16
Ф.Г. Сафин, А.И. Фатхутдинова	
Р.Г. КУЗЕЕВ ОБ ЭТНОЯЗЫКОВЫХ ПРОЦЕССАХ В ПОЛИЭТНИЧНОМ РЕГИОНЕ.....	24
Н.А. Томилов	
РАИЛЬ ГУМЕРОВИЧ КУЗЕЕВ – ВЫДАЮЩИЙСЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ НАРОДОВ ЕВРАЗИИ И ОРГАНИЗАТОР НАУКИ	27
Г.А. Аксянова	
НЕЗАРАСТАЮЩИЕ МАРШРУТЫ М.А. КАСТРЕНА: АНТРОПОЛОГИЯ САМОДИЙСКИХ ПОПУЛЯЦИЙ В ЭТНОИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ.....	34
А.Ю. Борисенко, Ю.С. Худяков	
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ЭКСПЕДИЦИИ М.А. КАСТРЕНА ИЗ МИНУСИНСКОЙ КОТЛОВИНЫ	39
А.В. Жук	
М.-А. КАСТРЕН В РУССКОЙ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ (К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)	42
Ф.Г. Галиева	
РЕКОНСТРУКЦИЯ ФОЛЬКЛОРНЫХ ПРОЦЕССОВ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ	46
Л.А. Чвырь	
АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ ТУРКЕСТАНА В ТВОРЧЕСТВЕБ.А. ЛИТВИНСКОГО: К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ	49
М.В. Константинов, Т.А. Константинова	
СИБИРСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ИВАНА ПОЛЯКОВА	53
Seija A. Niemi	
SOME EARLY OBSERVATIONS ON THE CHUKCHI PEOPLE MADE BY ADOLF ERIK NORDENSKIÖLD IN 1878-1879.....	56
Е.Ш. Соломон	
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ МЕЗОСТРУКТУРЫ ЭТНОСОВ В ЛАБОРАТОРИИ ИСТОРИИ СИБИРИ ИГУ	59

ЭТНОАРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕОРИЯ, МЕТОДИКА, ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКИ ETHNOARCHAEOLOGICAL RESEARCH: THEORY, TECHNIQUES, HISTORIOGRAPHY, SOURCES

М.Л. Бережнова, К.Ю. Гизиева	
К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ НАМОГИЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ В РУССКОМ ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ	63
Н.А. Берсенева	
МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ ПРЕДМЕТЫ КАК СИМВОЛ СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СИНТАШТИНСКОЙ КУЛЬТУРЕ (БРОНЗОВЫЙВЕКЮЖНОГОЗАУРАЛЬЯ).....	68
А.Ю. Борисенко	
НАСКАЛЬНЫЕ РИСУНКИ И СТЕЛЫ С ТАМГАМИ В МОНГОЛЬСКОМ АЛТАЕ, ОБНАРУЖЕННЫЕ ЭКСПЕДИЦИЕЙ И.Г. ГРАНЭ В 1909 г.	71
Д.Л. Бродянский	
ПАЛЕОЭТНОЛОГИЧЕСКИЕ РЕКОНСТРУКЦИИ В АРХЕОЛОГИИ ПРИМОРЬЯ	75
П.К. Дашковский, Н.С. Гончарова	
ОСНОВНЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К РЕКОНСТРУКЦИИ МИРОВОЗЗРЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ ЭПОХИ ПАЛЕОМЕТАЛЛА	76
В.А. Демкин, Т.С. Демкина, С.Н. Удальцов, Т.Э. Хомутова	
ЭТНОАРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В СВЕТЕ ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ КУРГАНОВ СТЕПНОЙ ЗОНЫ	81

Г.Л. Иванов СЕНОГДИНСКАЯ КЕРАМИКА ИЗ РАЙОНА СЕЛА ОЕК (ПО МАТЕРИАЛАМ СБОРОВ П.П. ХОРОШИХ В ИРКУТСКОМ ОБЛАСТНОМ КРАЕВЕДЧЕСКОМ МУЗЕЕ).....	87
С.А. Ковалевский ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ПАРАЛЛЕЛЕЙ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ИРМЕНСКОЙ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ (ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ).....	91
Е.В. Ковычев, А.А. Номоконов МОГИЛЬНИК УНДУГУН: ИТОГИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ.....	95
М.А. Корусенко, А.В. Полеводов НЕКРОСФЕРА РИТУАЛА: К СОДЕРЖАНИЮ ПОНЯТИЯ	100
М.А. Корусенко, С.С. Тихонов СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ ЭТНОАРХЕОЛОГИЯ	106
С.Н. Корусенко ИЗ ИСТОРИИ РОДА ШИХОВЫХ: ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЙ МЕТОД В ЭТНОИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ.....	111
Н.В. Лещенко БЫТОВАЯ КУЛЬТУРА НАСЕЛЕНИЯ КРАСКИНСКОГО ГОРОДИЩА	115
А.В.Матвеев, С.Ф.Татауров «РАННИЕ ТАТАРЫ» ЗАПАДНОЙ СИБИРИ. НАЧАЛО ДИСКУССИИ	122
А.В.Матвеев, С.Ф.Татауров «ТАТАРСКАЯ КЕРАМИКА» ЗАПАДНОЙ СИБИРИ: ПОЯВЛЕНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ ТЕРМИНА.....	127
И.Р. Нигаматзянов ПРОБЛЕМЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ КОЧЕВНИКОВ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В ТРУДАХ Г.А. ФЕДОРОВА-ДАВЫДОВА	134
А.В. Овчинников СООТНОШЕНИЕ ЭТНОСА И АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ДИСКУРСЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИСТОРИЙ (СОВЕТСКИЙ ЭТАП КОНСТРУИРОВАНИЯ МИФА)	138
Н.Л. Погодина РИТУАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В ТРУДАХ А. Г. ПЕТРЕНКО (ПО ДАННЫМ ОСТЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ).....	141
Г.Н. Поплевко КОМПЛЕКСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ И РЕКОНСТРУКЦИЯ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ (МЕТОДИЧЕСКИЙ АСПЕКТ).....	145
А.А.Сирина, В.Н. Давыдов ПРОЕКТ ПЕРЕВОДА КНИГИ С.М. ШИРОКОГОРОВА «SOCIAL ORGANIZATION OF THE NORTHERN TUNGUS» НА РУССКИЙ ЯЗЫК И ИЗДАНИЯ В СЕРИИ «ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА»	150
Н.А. Томилов ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ РАЗРАБОТКИ ОМСКИХ ЭТНОГРАФОВ.....	152
Н. Härke POST-SOVIET MATERIAL CULTURE CHANGE IN RUSSIA: AN ETHNOARCHAEOLOGICAL CASE STUDY OF 'EMPIRE COLLAPSE'?	156
Е.В. Шелепова АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ КОЧЕВЫХ КУЛЬТУР МОНГОЛИИ В XIX – НАЧАЛЕ XX В.	160

АРХЕОЛОГИЯ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ ENVIRONMENTAL ARCHAEOLOGY

С.В. Батаршев СИСТЕМА РАССЕЛЕНИЯ В СРЕДНЕМ НЕОЛИТЕ ПРИМОРЬЯ	165
И.И. Бахшиев, Р.И.Бахшиев ИЗУЧЕНИЕ МОДЕЛЕЙ И МЕХАНИЗМОВ ОРГАНИЗАЦИИ ЖИЗНЕННОГО ПРОСТРАНСТВА ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ.....	168
Е. Bezrukova, P. Letunova, N. Kulagina, O.G. Sharova VEGETATION AND CLIMATE DYNAMICS AROUND LAKE BAIKAL SINCE THE MIDDLE HOLOCENE AND ITS POSSIBLE IMPACT ON ANCIENT SOCIETIES	172
Н.Е. Бердникова, Г.И. Воробьева ДИНАМИКА ПРИРОДНЫХ ОБСТАНОВОК И КУЛЬТУРНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ	

В ФИНАЛЕ ПЛЕЙСТОЦЕНА НА ЮГЕ БАЙКАЛЬСКОЙ СИБИРИ	175
Е.А. Бессонова, Ю.А. Оптева	
ИЗМЕНЕНИЕ АРХИТЕКТУРНОГО ПЛАНА ГОРОДИЩА КОКШАРОВКА-1 В УСЛОВИЯХ СРЕДНЕВЕКОВОГО ПОТЕПЛЕНИЯ	178
А.А. Бурханов, А.Х. Тухватуллин, И.Р. Нигаматзянов	
НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЙ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПАМЯТНИКОВ В ЮГО-ВОСТОЧНОМ ТАТАРСТАНЕ	182
Т.А. Васильева	
СЛЕДЫ НАВОДНЕНИЙ И ПОЖАРОВ В ЖИЗНИ ЧЖУРЧЖЭНЬСКОГО ГОРОДА (ПРИМОРСКИЙ КРАЙ).....	188
С.Б. Верещагин	
РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ ПОСЕЛЕНИЯ СТАРАЯ ЧИТА В 2011 г.	192
Е.А. Волжанина	
ТРАДИЦИОННЫЕ КОЧЕВЫЕ МАРШРУТЫ НЕНЦЕВ НА ЯМАЛЕ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX В.	195
A. Henry, S. Beyries	
FIRE, HEARTHS AND FIREWOOD: ETHNOARCHAEOLOGY AND EXPERIMENTAL ARCHAEOLOGY FOR UNDERSTANDING PASTHUMAN LINKED TO FIRE: THE CONTRIBUTION OF CHARCOAL ANALYSIS	198
О.В. Дьякова	
РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ КУРГАНЫ ПРИМОРЬЯ	198
(МОХЭ-БОХАЙСКОЕВРЕМЯ).....	
А.В. Епимахов	
СИНТАШТИНСКОЕ МЕТАЛЛОПРОИЗВОДСТВО И ПОГРЕБАЛЬНАЯ ОБРЯДНОСТЬ (БРОНЗОВЫЙ ВЕК ЮЖНОГО УРАЛА)	202
Е.Д. Жамбалтарова	
МИМ-АДАПТАЦИЯ КАК СТРАТЕГИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДОЙ (ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛАМ ФОФОНОВСКОГО МОГИЛЬНИКА).....	205
М.Ю. Здор, М.А. Корусенко	
ОТОПИТЕЛЬНЫЕ УСТРОЙСТВА АБОРИГЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ НИЖНЕГО ТЕЧЕНИЯ Р. ТАРА (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОСЕЛЕНИЙ АЛЕКСЕЕВКА-51 И ЧЕРТАЛЫ-1)	209
П.В. Мандрыка, П.О. Сенторусова	
ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКАЯ ПЛОЩАДКА СТОЯНКИ ИТОМИУРА В СЕВЕРНОМ ПРИАНГАРЬЕ	214
Д.А. Миягашев	
ПРИЧИНЫ И ФАКТОРЫ МИГРАЦИЙ НА ТЕРРИТОРИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ЭПОХУ БРОНЗЫ – РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА	220
П.В. Мороз, Г.А. Юргенсон	
ПАЛЕОВУЛКАНЫ КАК ИСТОЧНИКИ СЫРЬЯ В ВЕРХНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ ЗАБАЙКАЛЬЯ.....	224
U. Odgaard	
REINDEER – RIGHTS AND ETHICS IN GREENLAND.....	230
И.Ю. Понкратова	
ТРАДИЦИОННАЯ ПОСУДА ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ ПОЛУОСТРОВА КАМЧАТКА: УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ	233
С.Д. Прокопец	
ИССЛЕДОВАНИЕ ГОРОДИЩА НИКОЛАЕВСКОЕ I КАК МНОГОСЛОЙНОГО ПАМЯТНИКА	238
А.М. Rautio	
UNDERSTANDING HISTORICAL SAMI LAND-USE PATTERNS BY STUDYING THE USE OF SCOTSPINE INNER-BARK AND ANGELICA ARCHANGELICA.....	241
Н.А. Рудая, Л.Б. Назарова, Д.К. Нургалиев, О.В. Палагушкина, Д.В. Папин, Л.А. Фролова	
ПРИРОДНЫЕ УСЛОВИЯ КУЛУНДЫ В СРЕДНЕМ И ПОЗДНЕМ ГОЛОЦЕНЕ: РАСТИТЕЛЬНОСТЬ, КЛИМАТ И ЧЕЛОВЕК	243
Г.Х. Самигулов	
ЧЕЛОВЕК И ЕГО ГОРОД: ОТНОШЕНИЕ К «ВМЕЩАЮЩЕМУ ЛАНДШАФТУ» ЖИТЕЛЕЙ ЗАУРАЛЬСКИХ ГОРОДОВ XVIII-XIX ВЕКОВ	247
Л.Р. Сафарова, А.С. Якимов	
ГЕОХИМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЧВ НА ТЕРРИТОРИИ ГОРОДИЩА «ЗАВОДОУКОВСКОЕ 11».....	250

Л.В. Татаурова	
СИСТЕМА ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ СИБИРСКОЙ ДЕРЕВНИВ XVII-XVIII ВВ. ПО	
АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛАМ: АДАПТАЦИЯ И РАЗВИТИЕ	254
В.И. Терентьев	
РОЛЬ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ В ТРАДИЦИОННО-БЫТОВОЙ КУЛЬТУРЕ	
ЗАПАДНЫХ МОНГОЛОВ (ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ).....	258
А.В. Тетенькин	
ПЛАНИГРАФИЯ 1-2 КУЛЬТУРНЫХ ГОРИЗОНТОВ МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ	
КОВРИЖКА III НА НИЖНЕМ ВИТИМЕ.....	261
К.Н. Тихомиров	
НЕКОТОРЫЕ СПОСОБЫ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ ИРТЫШСКИХ ТАТАР В XVII — XIX ВВ.....	266
А.А. Тишкин	
ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕНТРАЦИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ В ДОЛИНЕ БУЯНТА	
(МОНГОЛЬСКИЙ АЛТАЙ) КАК ОДИН ИЗ ПОКАЗАТЕЛЕЙ АДАПТАЦИИ ДРЕВНИХ И	
СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПЛЕМЕН К ЛАНДШАФТНО-КЛИМАТИЧЕСКИМ УСЛОВИЯМ РЕГИОНА.....	270
N.I.Bykov, A.A.Tishkin	
CLIMATIC CHANGES IN ALTAI AND MODERN CULTURAL-CHRONOLOGICAL CONCEPT OF	
STUDYING OF ANCIENT AND MEDIEVAL HISTORY	273
А.В.Харинский, Дж. Зайкер	
ПАСТБИЩНАЯ ТЕРРИТОРИЯ ДОМАШНЕГО ОЛЕНЯ И ЕЁ ИСКУССТВЕННЫЕ	
И ЕСТЕСТВЕННЫЕ МАРКЕРЫ: НА ПРИМЕРЕ ОБЩИНЫ «УЛУКИ»	
(СЕВЕРОБАЙКАЛЬСКИЙ РАЙОН БУРЯТИИ)	277
П.И. Шульга	
ВЛИЯНИЕ ПРИРОДНОГО ОКРУЖЕНИЯ НА ХОЗЯЙСТВО НАСЕЛЕНИЯ ГОРНОГО АЛТАЯ	
В III ТЫС. ДОН. Э. – ПТЫС. Н.Э.....	280

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЧЕЛОВЕКА И ЖИВОТНЫХ
BIOSOCIALITY: NEW CONCEPTIONS OF HUMAN
AND OR ANIMAL AGENCY AS DOCUMENTED
BY ARCHAEOLOGICAL AND ETHNOGRAPHIC RESEARCH**

D.G. Anderson	
ARCTIC DOMESTICATION AND THE MEANING OF ‘WILD’ AND ‘TAME’	286
Д.В. Арзютов	
«ЦЕРКОВНЫЕ ОЛЕНИ»: ОТНОШЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА И ЖИВОТНОГО В РАННЕЙ ИСТОРИИ	
ПРАВОСЛАВНОЙ МИССИИ СРЕДИ НЕНЦЕВ БОЛЬШЕЗЕМЕЛЬСКОЙ ТУНДРЫ.....	286
Ivar Bjorklund	
ON DOMESTICATION, TRANSFORMATION AND THE CONCEPT OF TRADITION RE. SAMI	
REINDEERHERDING IN FINNMARK, NORTHERN NORWAY	290
Gro B. Ween	
CLEVER FISH? EXPLORING SALMON AGENCY IN THE TANA RIVER IN ARCTIC NORWAY	291
В.Н. Давыдов	
ПОВСЕДНЕВНЫЕ ПРАКТИКИ СОВРЕМЕННЫХ ОЛЕНЕВОДОВ И БОРЬБА С ХИЩНИКАМИ:	
ОТНОШЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА И ЖИВОТНЫХ НА СЕВЕРНОМ БАЙКАЛЕ	292
К.Б. Клоков	
ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ВЗАИМОСВЯЗИ МЕЖДУ ТИПАМИ ОЛЕНЕВОДСТВА, ПОРОДАМИ	
ДОМАШНЕГО И ПОДВИДАМИ ДИКОГО СЕВЕРНОГО ОЛЕНЯ	295
Mari Kuorppa	
PALAEOECOLOGY AND RESILIENCE OF GRAZING ECOSYSTEMS	
IN NORTHWEST EURASIA, A PALYNOLOGICAL PERSPECTIVE	298
Р.Д. Лозей, В.И. Базалийский, С. Гарвье-Лок, М. Жермонпре	
ОСТЕОБИОГРАФИЯ СОБАКИ ИЗ МОГИЛЬНИКА ШАМАНКА II	301
Т.Ю. Номоконова, Р.Дж. Лозей, В.Н. Якунаева, Ю.А., Емельянова, М.В. Пастухов	
ЭТНОЗООАРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	
ПО ОХОТЕ НА НЕРПУ НА БАЙКАЛЕ	307
Я.Е. Лукерина	
ПРИМЕНЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ МЕТОДИК ПРИ ИЗУЧЕНИИ	
ОСТЕОЛОГИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ ЛОШАДЕЙ ИЗ ПАМЯТНИКОВАЛТАЯ	310
Н.В. Мартынович	
ПТИЦЫ НЕОЛИТИЧЕСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ МЕРГЕНЬ 6 (НИЖНЕЕ ПРИИШИМЬЕ).....	315

А.А. Тишкин, Я.Е. Лукерина	
ОСТЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСТАНКИ СОБАК В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКАХ АЛТАЯ И ВЕРХНЕГО ПРИОБЬЯ.....	319
Е.Г. Федорова	
ВСЛЕД ЗА ОЛЕНЕМ (ПО МАТЕРИАЛАМ СЕВЕРНЫХ МАНСИ).....	322
Bruce C. Forbes	
RESILIENCE IN SOCIAL-ECOLOGICAL SYSTEMS OF NORTHWEST EURASIA (RISES)	326
A. Oehler	
FROM SINGLE TO MULTI-SPECIES: ETHNOGRAPHIC AND ARCHAEOLOGICAL REPRESENTATIONS OF THE SAIANS	3267

Интеграция археологических и этнографических исследований

Сборник научных трудов

Подготовлено к печати Л.Н. Кургузовой
Печатается с файлов, предоставленных авторами